

Скрякова Е.В.

Размышления о сути правозащитной работы: постановка проблемы

Правозащиту, как и любое социальное явление, можно рассматривать с самых разных ракурсов и классифицировать по многим признакам: по предмету, объекту, субъекту, целям, направлениям и результатам деятельности, по отношению к власти и обществу, к отдельным социальным группам, к иным направлениям гражданской активности. Каждый может предложить свое собственное представление о первичных понятиях и сущностных срезах. Настоящая статья является плодом размышлений автора о смыслах, содержании, месте и эффектах современной правозащиты. Отправной точкой для рассуждений послужили материалы интервью, которые были взяты у лидеров и активистов правозащитных организаций в 2005-2006 годах в рамках реализации проекта Пермской гражданской палаты «Будущее прав человека в России», а также публичные выступления российских правозащитников в 2000-е годы.

Попытаемся вдуматься в два термина, которые зачастую употребляются как синонимы: «защита прав человека» и «правозащитная деятельность». Вроде бы – одно и то же, но разница колоссальна. Она определяется «смысловым ядром» каждого из них. Центром первого является человек. Центром второго – право. И тот, и другой термин, безусловно, имеют общегражданский ценностный контекст социально- или либерально-демократического уклона, который в отдельных случаях сам становится смысловым ядром правозащитной активности. В зависимости от того, как подсознательно свою деятельность воспринимают те или иные правозащитные акторы – как занятие *защитой* прав человека, *правами* человека или *гражданской деятельностью* в контексте прав человека, и выстраиваются их мировоззренческие амбиции, личные притязания, определяется место в гражданском и политическом спектрах, оценивается результат работы.

Согласно такому подходу, всех действующих на правозащитном поле игроков условно можно разделить на три типа: «человекозащитники», «правовики» и «политики». Ядром парадигмы, в соответствии с которой «человекозащитники» выстраивают свою деятельность, является человек с его персональными интересами. Смысл их деятельности заключается в помощи людям, права которых нарушаются. Права человека рассматриваются ими как частное благо, улучшающее условия жизни конкретных людей. Для «правовиков» высшая ценность – право. Основой их деятельности является приверженность праву как универсальному полю для диалога человека с властью и между разными направлениями общественной мысли. Свою главную задачу они видят в продвижении права как ценности в государстве и обществе. Права человека самоценны для них как правовая

конструкция, обеспечивающая общественное благо. Целью «политиков» является сохранение и продвижение широких демократических завоеваний. При этом права человека для них выступают не столько самостоятельной ценностью, сколько инструментом, позволяющим отстаивать определенные общественно-политические концепции.

Принимая во внимание неоднозначность центрального посыла, можно попытаться заглянуть с другой стороны – функционально рассмотреть содержание правозащитной активности. То есть, попросту говоря, понять: чем заняты правозащитники, в чем смысл их деятельности, где место правозащиты в обществе и каков ее эффект?

Итак, первый вопрос: что является содержанием деятельности?

Несмотря на то, что в период зарождения правозащитного движения в СССР, консолидация многочисленных диссидентских групп, кружков и компаний произошла именно на основе правозащитной активности, старт которой был дан «делом Синявского и Даниэля»,¹ а правозащитная позиция (в первую очередь неприятие подпольных форм протеста и апелляция к праву) стала платформой для самых разных неформальных общественных движений, понятие «правозащитник» было довольно узким. Определение типа активности как «правозащитной» не распространялось на весь диссидентский круг. Правозащитниками стали называться люди, выпускающие самиздатский бюллетень «Хроника текущих событий»,² а также члены первых правозащитных ассоциаций – Инициативной группы по защите прав человека,³ Комитета прав человека,⁴ а чуть позже члены Московской Хельсинкской группы,⁵ то есть те, чья неподцензурная активность была общегражданской, а не направлена на отстаивание интересов своих национальных, социальных или религиозных групп.

Если проанализировать деятельность хроникеров и участников правозащитных ассоциаций советского периода, то можно вычленил три исторически сложившихся направления деятельности: информационно-просветительская активность (сбор и распространение информации о положении с правами человека в стране); «демонстрация позиции» (заявление своей гражданской позиции в тех случаях, когда необходимо было продемонстрировать наличие иного, отличного от официального, мнения); «помощь человеку» (оказание моральной, правовой и материальной поддержки жертвам преследований за убеждения и их семьям).

¹ Судебный процесс двух литераторов, Андрея Синявского и Юлия Даниэля, обвиненных в 1965 г. в публикации под псевдонимами «антисоветских» произведений за границей. Обвинительный приговор (7 лет лагеря Синявскому и 5 лет Даниэлю) вызвал в СССР первую открытую петиционную кампанию в защиту осужденных.

² Машинописный информационный бюллетень (Москва). Основное периодическое издание советских правозащитников, выходившее в 1968 – 1983 гг.

³ Первая в СССР независимая гражданская ассоциация. Возникла в мае 1969 года в Москве.

⁴ Творческая ассоциация, созданная в Москве в ноябре 1970 года «для изучения проблемы обеспечения и пропаганды прав человека в СССР».

⁵ Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Независимая правозащитная ассоциация. Основана 12.05.1976 г. в Москве.

Что стало с этими направлениями в последние восемнадцать лет? Спектр их расширился, пожалуй, лишь за счет образовательных инициатив в сфере правозащитного просвещения. Однако сегодня можно констатировать как извращенное употребление термина «правозащитник» со стороны власти, так и расширительную идентификацию своей деятельности в качестве «правозащитной» со стороны самых разных гражданских активистов и организаций. Власть, зачастую с легкой руки малообразованных журналистов, «правозащитниками» стала называть всех тех, кто, не являясь оппозиционными политиками, систематически предъявляет к ней какие-то претензии в отношении самых разных вещей, тем самым «дестабилизируя» ситуацию в стране.

Определение содержания деятельности как «правозащитной» самими гражданскими активистами сегодня колеблется в очень большом спектре: одни считают защиту прав человека общественным движением с широкими функциями социально-политического, гуманистического, гуманитарного или протестного характера, другие видят в ней исключительно юридическую помощь человеку, столкнувшемуся с нарушением прав и свобод, зафиксированных во Всеобщей декларации прав человека.

Самой распространенной при определении своей организации или типа деятельности является формулировка «правозащитная в широком смысле». Эта формула употребляется, когда речь идет о функции сохранения и распространения свободы и демократии в России. Лидеры организаций объясняют наличие не прямых для гражданской правозащитной организации функций особенностями российского общественно-политического ландшафта: с одной стороны, традиционной связью правозащиты с политикой и гражданской ответственностью, с другой, отсутствием внятных демократических сил, способных систематически и авторитетно заявлять свою позицию, тогда как потребность у определенных групп населения в такой позиции есть.

К расширительному толкованию можно отнести и понимание правозащиты как формы протестности. Это обыденное понимание присуще не только власти и населению, но и многим гражданским активистам. Оно заключается в том, что правозащитной считается любая протестная деятельность, где объектом выступает государство, если при этом протестующий не претендует на власть и его протест непартийный. Соответственно, правозащитником является человек, который критикует власть, но при этом не собирается ее заменить.

Встречается подход, когда к правозащитным функциям организации относится любая социальная помощь и шире – гуманитарная деятельность. Лидеры организаций, придерживающиеся такого подхода, считают эту ситуацию специфически российской реалией защиты прав человека, так как, по их мнению, в нашей стране в первую очередь нарушаются социально-экономические права. Действительно, в России любая правозащитная деятельность, применительно к конкретной категории людей, постепенно перетекает из области права в область соцзащиты. Все, кто занимаются заключенными, душевнобольными, пострадавшими от войн и миграций на каком-то этапе понимают, что дело не в правах человека, а в том, что эти люди голодные, не обутые, не одетые и бюджетные деньги до

них не доходят. Естественно, что в этой ситуации правозащита плавно перетекает в социальную защиту и даже политику, так как лоббировать интересы групп – это уже деятельность политического характера.

Между тем часть правозащитного сообщества, наоборот, пытается максимально очертить поле своих компетенций, позиционируя себя как «классиков» (то есть тех, кто в своей деятельности придерживается ООНовского подхода к правам человека) или даже «ортодоксов». Они достаточно жестко выделяют из правозащиты, например, гуманитарные или консьюмеристские проекты, так как не видят в них проблематики защиты достоинства и свобод человека в ситуации «власть – подчинение».

Исходя из вышесказанного, можно попытаться определить содержание правозащиты через самоназвание и выстроить иерархию. На самом верху оказывается почти исключительно группа московских правозащитников и правозащитных организаций, которые преимущественно в классическом ООНовском смысле понимают права человека и занимаются их защитой. Эти организации минимально практикуют «полевую» защиту прав человека. Они являются, скорее, общегражданскими, так как продвигают права человека как общественный интерес на уровне федеральной (в отдельных случаях региональной) законодательной и исполнительной власти.

Второй уровень – это специализированные высококвалифицированные организации, которые занимаются «классическими» правозащитными темами: милицейским произволом, правами заключенных, армейскими делами, правами душевнобольных. Сюда же можно отнести женские феминистские организации, которые борются за равноправие. Деятельность этих организаций направлена на защиту прав человека от государственного произвола: она концентрируется на реализации гуманитарного права в силовых структурах, закрытых учреждениях и в отношении дискриминируемых групп населения.

Следующий уровень – это основной слой правозащитных, в большинстве своем провинциальных организаций, которые защищают права человека в обыденном, российском понимании. Они работают с массами и широкими группами, оказывают помощь всем пострадавшим от любого произвола: от родственников, соседей, коммерческих структур и т.д. Их правозащитная деятельность превращается в социально-защитную, в деятельность по восстановлению материальной стороны социальной справедливости. Эти правозащитники защищают любые писанные права, зафиксированные в российском законодательстве (а не только гуманитарные права личности, сформулированные в ООНовской парадигме). Они содействуют людям в получении пособий, льгот, задержанных зарплат, бесплатного жилья и т.п., то есть помогают определенным группам населения обеспечить некоторый материальный достаток посредством исполнения государственных обязательств и законов.

Самый низовой, в смысле близости к правам человека, но массовый и тесно связанный с третьим уровнем – «левые» организации. То есть организации социалистические и коммунистические по духу, защищающие бедных от богатых на языке прав человека. Богатым, антагонистом может

выступать и государство. Потому такие организации защищают конкретного человека от государства, от работодателей, от монополистов, от богатых соседей и т.д., но все это делается с «левым» пафосом борьбы с эксплуатацией, с олигархами, с новыми русскими, с «богатыми».

Здесь встает вопрос о смыслах: зачем?

Позволю себе предположить, что инакомыслие возникло в Советском Союзе как результат внутренней потребности отдельных людей освободиться от унижительной для взрослого человека зависимости от мнений и повелений властьпредержащих. Оно базировалось на потребности личности в смене стилевых систем общества, на противопоставлении несовершенному окружению собственных ценностей. Эта личность выросла в присущем 1960-м литературном контексте, эстетика которого была основана на причудливой смеси литературы и действительности, художественного слова и реального поступка. В основе становления сообщества диссидентов лежало общение в дружеских компаниях, где и «дозревали» идеи, в диалогах и спорах достигая «критической массы».

Правозащитная деятельность заняла особое место в общем спектре диссидентской активности, потому что правовая оппозиция оказалась самой универсальной и действенной, так как была внятна любому человеку: надо требовать от государства соблюдения его собственных законов. Исходя из литературных веяний времени, это содержало и специфически интеллигентский эстетический мотив: иной принцип отношения к печатному слову – не трактовать, а воспринимать буквально. Идея требования соблюдения законов была нова, конкретна, понятна и могла легко реализовываться в самых разных формах гражданского поступка: от прямого диссидентского противостояния системе (участия в несанкционированном митинге или демонстрации) до практик, доступных любому рядовому гражданину (поставить подпись под правозащитной петицией или подняться на трибуну партсобрания).

Таким образом, базисом, на котором держалась правозащитная активность в советскую эпоху, являлось нравственное противостояние отдельной личности. Смысл действий определялся специфическим мироотношением этих людей. Одни определяли его как способность «жить в несвободной стране, как свободные люди»,⁶ другие – как «осуществление прав и свобод личности явочным порядком»,⁷ третьи выражали нравственную основу правозащитной активности в одной очень короткой, но емкой фразе «ты отвечаешь за все, что делает твоя страна».⁸ Конечно, в каком-то смысле, это была «игра», точнее, культурная инсценировка, через которую советские правозащитники воссоздавали модель гражданского общества. В этой «игре» они реализовывали собственное понимание нравственного поведения и личные мировоззренческие амбиции через культуру персонального поступка.

Сегодня правозащита в России институционализировалась, но основные направления правозащитной активности остались прежними, хоть подчас и претерпели значительные смысловые изменения.

⁶ Эта формула принадлежит А. Амальрику/ Амальрик А.А. Записки диссидента. – М., 1991.

⁷ Определение А. Сахарова/ Сахаров А.Д. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1990.

⁸ Ковалев С.А. Полет белой вороны (на нем. яз.). – Гамбург, 1997. Цит. по русскоязычному тексту.

Просветительская деятельность углубилась, расширилась и профессионализировалась. Сегодня проводятся специально организованные экспертизы, мониторинги, исследования соблюдения прав человека, на основе которых пишутся и распространяются доклады. В правозащитных организациях появились пресс-секретари и специалисты по связям с общественностью.

Пожалуй, самые большие сущностные перемены произошли с таким направлением правозащитной активности, как «демонстрация позиции», то есть реакцией на властные инициативы или события, свидетельствующие о явном нарушении прав в отношении отдельных людей или группы лиц. Формы остались стандартными: открытые письма (заявления, обращения), пикеты, митинги, к которым добавились еще резолюции конгрессов и конференций. Однако играть прежнюю роль эти формы правозащитной активности уже не могут. В первую очередь потому, что «демонстрация позиции» перестала восприниматься как обществом, так и самими правозащитниками как акт личного гражданского мужества, как поступок из разряда «не могу поступиться принципами». Обозначение гражданской позиции стало профессией.

Работа с человеком является сегодня центральным звеном правозащитной активности. Оказание правовой помощи лицам, подвергшимся или подвергающимся преследованиям, стало систематическим, а ее виды - разнообразными: от юридического консультирования до представления интересов в суде. Кроме того, правозащитной работой при расширительном толковании отчасти стала считаться и социальная помощь. Тем самым, нравственная составляющая правозащиты сместилась сегодня в сферу защиты конкретного человека или групп населения от произвола государства. Вероятно, с точки зрения восприятия обществом, это хорошо, так как «бесплатная адвокатура» как гуманитарный проект всем ясна и понятна. Но как быть со смыслом, изначально заложенным в сути правозащитной работы, – персональной ответственностью? В чем сегодня проявляется личный пафос?

Здесь, по всей видимости, и кроется размытость смыслов современной правозащиты. Нравственное противостояние – дело отдельной личности, а не сообщества, организации или коалиции. Институтция не бывает нравственной или безнравственной. Она может быть нормативной или ненормативной, а также может функционировать в соответствии с нравственными или безнравственными правилами. Если личная позиция, основанная на персональной ответственности, – центральное смысловое ядро, вокруг которого структурировалась деятельность правозащитников в тоталитарную эпоху, объективно перестала быть действием, находящимся в области нравственного выбора, то где сегодня то поле правозащитных действий, про которое и власть, и общество, и сами правозащитники понимали бы, что «это про принципы»? Как уловить эту сущность, как ее вычлениить из спектра профессионально-правозащитных действий?

Тут закономерно возникает следующий вопрос: а где сегодня место правозащитной деятельности в спектре гражданской активности и в обществе в целом?

Все современные правозащитные акторы (кроме тех, кто младше 30-35 лет) откуда-то пришли, они все откуда-то родом: из диссидентов, из различных демократических движений от право-либеральных до лево-социальных, из профессиональных ученых и преподавателей, из журналистов. Здесь оказались те правые, которым стыдно быть буржуазными, те левые, которым неудобно быть нео-коммунистическими, те ученые, которые, устав от чистого теоретизирования, обратились к конструированию социальной реальности, те журналисты, которые хотели укрыться от беспринципности. Теперь они составляют одно сообщество.

Благодаря тому, что личные компетенции участников движения очень разнообразны, явочным порядком правозащита выполняет большое количество самых разных функций. Правозащитники и подменяют собой демократическую оппозицию, и достраивают социально-обеспечительный механизм государства, и являются самыми разными «непрофильными» специалистами: публицистами, информационщиками, аналитиками, исследователями, юристами, педагогами, методистами, переговорщиками, специалистами по политконсалтингу и т.д. Но при всем многообразии, кто они между правым и левым политическими спектрами, между государством и обществом, между профессионалами и общественниками?

В силу того, что варианты правозащитной активности столь разноплановы, в головах населения и власти возникает путаница по поводу образа правозащиты. Население считает правозащитниками всех кого угодно. Чиновники же пытаются встроить правозащитников в общественно-политическое пространство как единое целое, имеющее в целом негативный имидж – к правозащите как явлению оказалась применима общая линия компрометации на «связи с Западом». Тем не менее, найти адекватное место ни у кремлевских чиновников, ни даже у симпатизантов пока не получилось, видимо, в связи с тем, что по факту правозащита не является единым целым. Каждый отдельный человек или организация самореализуются в том, чем они хотят заниматься, их активность базируется на мировоззренческих установках, обусловленных в первую очередь личными интересами и компетенциями. Однако субкультурное наследие «персонального выбора» имеет сегодня как плюсы, так и минусы: с одной стороны, многообразие повышает устойчивость, с другой - отсутствие договоренностей между группами увеличивает риски.

В силу разнородности базовых квалификаций участников и существующих форм деятельности, правозащита как целое, пожалуй, могла бы детально осмыслить и позиционировать себя как основного «хранителя» гражданских гуманитарных ценностей, прав человека. А именно: хранить в меняющейся стране правозащитный дискурс, базирующийся на идее человеческого достоинства и свободы личности, как эталон гражданского подхода к любой общественно значимой проблеме. Сохранять и продвигать право как универсальное поле для диалога с властью и между разными направлениями общественной мысли. Не дать исчезнуть принципам ненасилия и гласности как единственно возможным подходам к любой конфликтной ситуации в обществе.

Что касается места правозащиты среди иных гражданских инициатив, то она всегда занимала особое положение. Еще в годы

диссидентский активности идеология прав человека стала платформой практически для всех течений и форм инакомыслия. Однако и сегодня защита прав человека воспринимается многими общественными активистами как элитарный вид гражданской деятельности. Правозащитники выступают главными переговорщиками с властью по вопросам, касающимся общегражданских интересов, являются основными толкователями, то есть трактуют государственные инициативы и социальные инновации сквозь призму соблюдения прав человека, бывает, они становятся арбитрами между различными политическими движениями, гражданскими сообществами и группами интересов.

Но тогда естественно встает последний вопрос: как и в чем измерять эффект правозащитной работы?

Безусловно, к правозащитной работе как социальному явлению вряд ли применимы стандартные экономические мерки: соотношение результата с затратами и издержками. Так же, как нельзя говорить и об эффективности правозащитной работы вообще. Эффекты с точки зрения самой организации, правозащитного сообщества, клиентских групп, государства, общественности или спонсора – это все совершенно разные подходы. В каких-то случаях (например, в отношении клиентских групп) деятельность может быть просто результативной. Эффективность правозащиты – это вещь, тесно связанная, в первую очередь, с саморефлексией, с реакцией конкретных организаций и сообщества в целом на внешние и внутренние вызовы, а не с внешним восприятием правозащитной работы обществом или государством. С учетом того, что в современной правозащитной активности, несмотря на появление институциональной составляющей, до сих пор огромное значение имеет личностный фактор – персональный выбор и индивидуальные компетенции – постановка вопроса изнутри становится актуальной вдвойне.

Сегодня на результаты и эффекты правозащитной работы оказывает влияние ситуация возникшей на поле конкуренции: со стороны государства (введение института уполномоченного по правам человека) и со стороны иных игроков, заявляющих свои амбиции в правозащитной плоскости (от неструктурированных групп граждан, собравшихся для решения какой-то проблемы, до институций типа Русской Православной церкви). Таким образом, правозащитники оказались в конкурентной среде, где все «борются за клиента», потому постановка вопроса об эффективности все-таки должна иметь в виду восприятие традиционной негосударственной правозащиты широкой общественностью.

Эффекты, если мы говорим о внешних результатах, имеющих значение для развития социума в целом, вероятно, не могут исчисляться количеством оказанных услуг, заявленных позиций, проведенных мониторингов или созданных текстов, если при этом права человека не продвигаются как ценность в государстве и обществе. Зачастую именно здесь возникает противоречие: либо это защита прав конкретного человека и мы получаем локальный эффект в виде частного блага, либо это работа с ценностями по их формированию, продвижению, позиционированию, поддержанию и это уже совершенно иные эффекты. Безусловно, без работы с индивидуальными случаями невозможно достичь более высокого уровня –

изменения общественного сознания и поведенческих установок в повседневных практиках. Идея защиты безвинного должна продвигаться правозащитниками в массовое сознание, и становиться модельным примером того, как эту защиту можно осуществлять или как нельзя поступать власти. Однако зачастую эти две составляющие деятельности вступают в противоречие друг с другом, и мы получаем локальный позитивный эффект при общем, в лучшем случае, нейтральном, в худшем – негативном. Эту дилемму порой невозможно разрешить без формально-инструментального подхода – внедрения методик и технологий, измеряющих и регулирующих индивидуальные и общие внешние эффекты.

Практически невозможно выделить четкий набор параметров эффективности деятельности по защите прав человека. Разумнее было бы рассматривать тот или иной тип правозащитной работы в широком диапазоне разноуровневых критериев – гражданских, политических, экономических, социо-культурных, которые в зависимости от внешних и внутренних факторов были бы максимально гибкими. Кроме того, результат правозащитной работы имеет свою специфику. В случае работы с ценностями, будь это демонстрация позиции в той или иной форме или целенаправленная просветительская работа, – результатом зачастую является сам процесс. Многие правозащитные организации работают сегодня ради процесса, в связи с чем эффект их деятельности невозможно измерять результативными характеристиками, к их активности необходимо применять характеристики процесса.

Однако здесь есть и третья плоскость. Если принимать во внимание высказанный выше тезис о том, что правозащита в России вышла на новый уровень – теперь это не совокупность личностей, а сообщество организаций, групп, проектов и инициатив, то можно пытаться говорить о суммарной эффективности. Это связано с тем, что результат от деятельности и «человекозащитников», и «правовиков», и «политиков» является кумулятивным. В него свою лепту вносят все: кто обучает, кто оказывает услуги, кто работает с информацией, кто производит печатный продукт, кто декларирует позицию, кто интерпретирует и т.д. Какие-то из правозащитных организаций, с формальной точки зрения, могут быть совсем неэффективны в своей локальной деятельности, но в качестве части общего правозащитного поля будут хорошо работать на идею в целом.

В этом случае, помимо критериев, применимых к деятельности индивидов или даже организации, будут иметь значение факторы, на первый взгляд не имеющие отношения к внешним эффектам. С одной стороны, хорошо налаженные внутренние связи – умение договариваться друг с другом, сотрудничать в партнерских проектах, подстраивать под потребности «общего дела» уровень организационной культуры своих структур, с другой – разнообразие институтов, практик, инструментов, позволяющих правозащитному сообществу формировать широкий комплекс общественных благ и быть эффективным в ситуации самых разных вызовов.

Правозащитные организации нередко замещают собой иные социальные институты (демократические партии, социальные службы, независимые аналитические центры, информационные агентства и т.д.), причем они сами берут на себя непрофильные функции и делают их

правозащитными самим фактом реализации правозащитной организацией. При этом можно было бы считать, что любая активно действующая организация является эффективной. Однако «вынужденный функционал», возникший в связи с отсутствием на поле других игроков или их слабостью, для общества в целом является, скорее, неэффективностью иных институтов, нежели положительным эффектом от деятельности правозащитных организаций, размывающих свои компетенции бессистемным расширением деятельности. Конечно, можно подходить к эффективности правозащиты со стороны общественного заказа – конкретной проблемы, которая стоит на повестке и требует решения. В этом случае от правозащитного сообщества потребуются элементы саморегулирования: либо адаптировать какие-то из существующих правозащитных или околоправозащитных институций под решение данной проблемы, либо создать новые, либо признать «своими» иных игроков, возникших вокруг решения данной проблемы.

Таким образом, ситуация современной институционализированной правозащиты вынуждает учиться осмыслять самих себя и между собой договариваться. В процессе общего для всего мира кризиса прав человека как универсальной ценностной парадигмы, в стране с мощными коллективистскими ценностями и антиправовым общественным сознанием, саморефлексия правозащитных организаций становится залогом выживания. Для того, чтобы получать положительные внешние эффекты, чтобы заранее прогнозировать возможные деятельностные и репутационные провалы, каждая организация сегодня должна осмыслить: чьи и какие права, как и почему она защищает и какого результата она хочет добиться в процессе своей работы. Кроме того, каждой организации, видимо, необходимо постараться очертить круг своих компетенций и не браться за непрофильные, изначально непосильные для себя проекты.

Прикладной задачей для правозащитного сообщества как совокупности организаций, групп и людей сегодня становится групповая рефлексия: выработка общей смысловой платформы, сущностных опор для деятельности как единого сообщества, а не совокупности «нравственных личностей», развитие внутренней координации и принципов институционального партнерства. Представляется, что только так можно добиться заметного кумулятивного эффекта в результате деятельности самых разных организаций, групп и инициатив, позиционирующих себя правозащитными.